

Э. С. Киуру

Виктор Евсеев
(к 90-летию со дня рождения)

Еще в конце 1920-х годов Виктор Евсеев стал заметной фигурой в общественно-политической жизни Петрозаводска. Уже на школьной скамье он стал выступать как юнкор в местной молодежной газете, был участником комсомольского актива и даже вступил в Карельскую ассоциацию пролетарских писателей, благо тогда нужно было для этого только желание да пролетарское происхождение.

Виктор Яковлевич Евсеев родился 13 июля 1910 г. в небольшой дер. Ехкиля недалеко от с. Суоярви, находившегося тогда на территории Великого княжества Финляндского. Километрах в 40 от этого места на российской стороне границы находилась дер. Вохтозеро, где у отца Виктора Яковлевича был свой дом, но работал он здесь, в Ехкиля, на лесозаготовках. В 1917 г. семья Евсеевых переехала в г. Петрозаводск, где и прошла вся жизнь будущего ученого, собирателя и исследователя карельского фольклора.

В 1927 г. Виктор Яковлевич окончил 9-летнюю среднюю школу в Петрозаводске и уехал в Ленинград, поступил учиться в университет на факультет литературы и материальной культуры, где посещал лекции известного финно-угроведа Дмитрия Владимировича Бубриха. Постепенно Виктор Яковлевич увлекся «новым учением о языке» Н. Я. Марра и стал вольнослушателем посещать занятия аспирантов Яфетического института и, как пишет В. Я. Евсеев в своей биографии, «значительно сблизился с академиком Н. Я. Марром»¹.

Впоследствии эта встреча с исследователем сыграла решающую роль в личной судьбе В. Я. Евсеева и в его подчас лишенных реальной почвы теоретических изысканиях. Сдавая уже на предпоследнем семестре экзамен Д. В. Бубриху, студент Евсеев затеял с экзаменатором дискуссию о плодотворности «нового учения о языке», которое знаменитый уже в те годы финно-угровед не принимал и не одобрял. Увлеченный Марром студент не сдавался и, когда у него кончились аргументы, швырнул на стол экзаменатора свою зачетную книжку, удалился из аудитории и ушел из университета. Позднее он получил разрешение сдать кандидатские экзамены без официального диплома о высшем образовании. В этом ему помог прежде всего Д. В. Бубрих, который не только написал собственноручно справку о прохождении В. Евсеевым университетского курса с

хорошими и отличными оценками, но и дал ему отменную характеристику ученого: «...осведомленность В. Я. Евсеева в вопросах карело-финского фольклора – исключительная. Ценность его как научного работника – громадна. Это научный работник не по долгу службы, а по призванию»². Так написал Бубрих 28 февраля 1948 г. По возвращении из Ленинграда в 1931 г. В. Я. Евсеев поступил на работу в Карельский комплексный научно-исследовательский институт (ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН).

Начало 1930-х годов было временем активного собирания еще живого в те годы классического фольклора, то есть песен так называемой калевальской метрики. В 1935 г. в Карелии, как и в Финляндии, отмечали 100-летие первого издания «Калевалы», что в значительной мере стимулировало собирательскую деятельность. Большое внимание уделялось народной поэзии в южной Карелии. В прежние годы, когда в Карелии работали почти исключительно финские фольклористы, ее оставляли в стороне, поскольку здесь эпические песни были совсем иного характера, чем привычные «калевальские» сюжеты и темы. Теперь было важно зафиксировать именно эту разновидность единой «калевальской» по стилю поэзии. Виктор Яковлевич и другие активные собиратели фольклора 1930-х годов провели в этом направлении большую и плодотворную работу. Особенное значение она приобрела после опубликования В. Я. Евсеевым некоторых сборников фольклорных произведений, например, «Избранных рун Архиппы Перттунена». Трудно переоценить научную ценность академического сборника «Карельские эпические песни», вышедшего в свет в издательстве Академии наук в 1950 г.³ Составленный по региональному принципу, этот объемистый сборник охватывал все районы Карелии, внутри районов материал был расположен по тематическому принципу. Рядом с текстом оригинала печатался подстрочный перевод, что давало возможность читателю, не владеющему языком оригинала, получить представление о содержании опубликованных песен.

Кроме того, в нее были включены так называемые новины, или «Советские эпические песни» о гражданской войне, о хорошей жизни в социалистической стране, о борьбе с внешними врагами, о Зимней 1939–1940 гг. и Великой Отечественной войнах и др. Одним словом, эти сочинения охватывали все важнейшие в жизненном плане события. Их целью было показать, как любит простой народ новую жизнь, Коммунистическую партию. Конечно же, это была мистификация. «Оперативность» не характерна для эпического мышления, и по горячим следам руны, былины и даже сказки не рождаются. Создавались эти новины искусственно, и представляют только историко-литературный интерес.

Главное значение опубликованных в рассматриваемом издании истинно народных произведений фольклора состоит в том, что они давали наглядную картину бытования древней эпической традиции в Карелии 1920–1940-х годов XX столетия.

Самым ценным результатом деятельности многих фольклористов советского времени стало то, сколько произведений каких жанров и видов народного искусства им удалось собрать, ввести в научный оборот и оставить после себя. Ведь каждое новое поколение по-новому, по-своему прочитывает и воспринимает художественные произведения прошлых эпох, наследие многих столетий.

Теоретические изыскания В. Я. Евсеева были для своего времени достаточно актуальные и в чем-то новаторские. Его двухтомный труд «Исторические основы карело-финского эпоса»⁴ начинается с обширного введения, посвященного рассмотрению ошибочных положений и концепций так называемой географо-исторической финской школы фольклористики, основанной в начале XX в. Опираясь на сплошное фольклористическое обследование ареала распространения того или иного фольклорного сюжета, исследователи, за редким исключением, приходили к выводу о том, что сюжет зародился в юго-западной Финляндии, а оттуда с течением времени мигрировал на восток, подчас не оставляя даже следов своего «пребывания» в исходном регионе. И тем не менее делался вывод о том, что сюжет был создан неизвестным певцом или даже аристократическим поэтом именно здесь, в районе, например г. Турку, ибо нигде в другом месте он не мог возникнуть. Авторы подобных исследований редко смущало то обстоятельство, что не было никаких свидетельств зарождения или хотя бы бытования на «исторической родине» рассматриваемой песни, а ее мнимую праформу, исходный вариант, приходилось воссоздавать из наиболее часто встречающихся строк песни, записанной совсем в других, далеких от «родины» песни местах.

Эта методика принуждала исследователя тщательно и кропотливо искать и изучать все возможные варианты и фрагменты исследуемой песни или даже всех вариантов песен любого сюжетного состава, не пропуская ни одного фрагмента. Однако конечный результат любого исследования «калевальских» песен был заранее задан: необходимо было показать, что песня зародилась в юго-западной Финляндии и мигрировала оттуда тем или иным маршрутом на восток (в Ингерманландию) или северо-восток (в Карелию). Поэтому-то ко времени пробуждения интереса к песням будущей «Калевалы» они все оказались как бы в эмиграции у карелов и ижоров. Это была довольно несурзная попытка доказать, что знаменитая «Калевала» является финским национальным эпосом, хотя вошедшие в нее песни и записаны в Карелии, а не среди финского населения. В. Я. Евсеев опровергал эту теорию, хотя и не имел возможности показать абсурдность ряда утверждений, ведь многие эпические песни, о которых шла речь, отражали реалии, обычаи, обряды, жизнь карелов, а не западных финнов. К этому стремился и сам Элиас Лённрот. Он не претендовал на то, чтобы «Калевалу» считали его авторским произведением. Тогда авторитет и общественный вес эпоса

значительно бы упал. Но подобная эпопея создана самим народом и выражает народные мысли и чаяния о национальном единстве, о борьбе за всеобщее счастье и благополучие.

Так возникло разное понимание национальной принадлежности эпоса. Если «Калевала» создана не финном Э. Лённротом, а является народным произведением, то она не может быть финским национальным эпосом, ибо скомпонована из произведений, записанных почти исключительно у карельского народа.

Теория западно-финского происхождения эпоса противоречила истине. Историческое развитие в начале XX в. привело к пробуждению национального самосознания российских карелов, которые не участвовали в формировании финской нации, и спор о национальной принадлежности «Калевалы» не мог не возникнуть. В. Я. Евсеев был одним из первых фольклористов, кто понимал глубинную сущность проблемы, что не «Калевала» является карельским народным эпосом, а те замечательные народные песни, заговоры, заклинания, лирика, которые легли в основу написанной Э. Лённротом поэмы. В этом смысле она является произведением, в равной степени принадлежащим не только финнам и карелам, но и всей мировой культуре, а карелы, как, впрочем, и финны, кроме того, обладают еще и неисчерпаемым кладом народных песен, из которых Э. Лённрот мог бы, по его словам, создать еще семь «Калевал», не похожих друг на друга.

В своем введении к «Историческим основам карело-финского эпоса» В. Я. Евсеев остро поставил вопрос об ошибочности и антиисторичности теории западно-финского происхождения карело-финского эпоса, представляющего собой всю совокупность устных народных эпических рун.

В основной, чрезвычайно обширной части исследования «исторических корней» народных эпических песен также имеются значительные достижения в плане выявления отражений архаических реалий быта, предметов человеческой культуры и других «корней» эпоса, рассказывающих о деяниях древних предков. Однако вся эта часть, за исключением главы «Поэтический язык и стиль карело-финских рун», написана в духе господствовавшего в 1930–1940-е годы XX в. вульгарного социологизма. Автор не признает, например, мифологического мышления и все художественные приемы отражения действительности трактует, если можно так сказать, в условно реалистическом плане. Целью исследования было подтвердить (именно подтвердить, а не доказать) правомерность марксовской теории исторического материализма и развития истории человечества. Об этом говорит уже оглавление книги: «Первобытнообщинная эпоха в карело-финском эпосе», «Эпоха феодализма в карело-финском эпосе», «Карело-финские руны в условиях развития капиталистических отношений в деревне».

Подобные дефиниции невозможно применить даже к истории развития литературы от ее древних истоков до наших дней, несмотря на то что в единожды написанный текст не включаются никакие новые темы, мотивы, понятия. Устнопозитическое же произведение постоянно меняется, дополняется, что-то в нем утрачивается, что-то прирастает. Знаменитый исследователь карело-финского эпоса академик Матти Кууси как-то сказал, что исследователь древнего фольклора постоянно оказывается в положении будущего археолога после гигантского катаклизма, приведшего к смешению товаров современного супермаркета и экспонатов исторического музея. Темы, мотивы, отдельные черты и отражения вещественного мира архаики практически невозможно разложить по историческим периодам так, чтобы они отражали при этом социальные градации общественного развития.

В. Я. Евсеев ничуть не сомневается, что «возникновение карело-финского эпоса относится к эпохе первобытнообщинного строя»⁵. В основу этого и других подобных утверждений легли высказанные О. В. Куусиненом «марксистские» положения об историческом развитии общества.

Конечно, нет оснований оспаривать справедливость того, что в рунах встречаются следы упоминаний древних орудий труда⁶, каменных наконечников пик, каменных топоров и пр. Однако нет никаких оснований считать, что каждый раз, когда предмету придается эпитет «большой», речь идет о коллективном владении им или, проще говоря, о коллективной собственности, якобы характерной для первобытного коммунизма. По мнению В. Я. Евсеева, если в руне говорится, что Вяйнямейнен спускает на воду лодку и сажает в нее молодежь и стариков, девушек и женщин сотнями, то это признак первобытного «коммунистического» коллективизма и общественной собственности на средства производства, а о зарождении частной собственности свидетельствуют стихи, где говорится, что герой схватил *свой меч*, а Йоукахайнен предлагает в качестве выкупа за себя *свою собаку*⁷.

Тем не менее в исследовании В. Я. Евсеева немало действительно ценных и полезных открытий богатого отражения в рунах материального мира, а также конкретных форм социального устройства общества. Нельзя не согласиться, например, с выводом В. Я. Евсеева о том, что тема incesta (сексуальной связи между братом и сестрой, которые не узнали друг друга), скорее всего, отражает нарушения законов экзогамии, когда браки могли заключаться только между представителями различных, традиционно взаимодействующих родов, а вовсе не между родными братом и сестрой⁸.

Наряду с десятками научных статей, печатавшихся в различных центральных и зарубежных изданиях, В. Я. Евсеев опубликовал монографию «Карельский фольклор в историческом освещении» (Ленинград, 1968), в которой рассмотрел все основные жанры карельского фольклора. Книга

служила учебным пособием для студентов вузов и справочником для интересующихся устнопоэтическим творчеством.

Неоценимое значение для интересующихся карельским фольклором имеют подготовленные и изданные В. Я. Евсеевым тексты карельских рун – «Руны карельского народа» (изд. Тартуского университета 1976 и 1980 гг.), содержащие основные руны, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ РАН. Руны изданы на языке оригинала. Кроме того, обширное издание с переводом на русский язык избранных рун как хранящихся в Научном архиве РАН текстов, так и опубликованных в 34-томном издании «Древние руны финского народа» (Хельсинки, 1908–1998 гг.)⁹.

К сожалению, В. Я. Евсеев практически не оставил для карельской фольклористики учеников. В то же время В. Я. Евсеев был хорошо известен в других финно-угорских республиках: Мордовии, Марийской, Удмуртской АССР, а также Коми АССР. Там под его руководством защитили десятки кандидатских и докторских диссертаций известные впоследствии исследователи своего национального фольклора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив КарНЦ РАН. Личное дело. № 6751. С. 9

² Там же.

³ Карельские эпические песни / Предисл., подготовка текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.: Л., 1950.

⁴ Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. Кн. I. М.; Л., 1957.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Там же. С. 131, 132.

⁸ Там же. С. 208–222.

⁹ Карело-финский национальный эпос. Книга I, II. М., 1994.